

Историческая фантастика

Олег Быстров

ГРЕНАДЕР

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос = Рус) 6
Б95

Серия «Историческая фантастика»

Художник обложки: *В. Гурков*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Быстров, Олег Петрович

Б95 Гренадер / Олег Быстров.— Москва: АСТ, 2014.— 378,
[2] с.— (Историческая фантастика).

ISBN 978-5-17-087848-2

Позднее лето 1938 года.

До начала Второй мировой войны остается все меньше времени.

Вот только... суждено ли выиграть в этой войне России? Нет, не Советскому Союзу, который в этом мире так и не был построен большевиками. А Российской Империи, во главе которой стоит Государь Император Михаил Второй?

Иван Саблин, поручик Особого гренадерского батальона — русский офицер, честный человек и отважный воин. Нелегкий путь придется пройти ему всего за год, от осени 1938-го до осени 1939-го. Бои с немецкой ударной группировкой, борьба с террористами, вооруженными новейшим оружием, и противостояние с польскими националистами.

Ратный труд с ним делят бойцы гренадерского взвода и контрразведчики. И вот приказ — уничтожить секретную гитлеровскую установку, грозящую всему миру гибелью.

Сумеет ли поручик Саблин справиться с хитрым и коварным врагом?..

Подписано в печать 26.09.14.

Формат 84 x 108 1/32. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Олег Быстров, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Глава 1

СУДЕТСКИЙ ИЗЛОМ

1

Коричневый дом — тяжеловесное мрачноватое строение в три этажа, что расположилось по адресу Бриеннер-штрассе, 45 в Мюнхене, расцветилось флагами. В обычное время лишь круглая эмблема НСДАП на фасаде слегка оживляла неприступный вид здания. Но сегодня государственные флаги Англии, Франции и Италии вперемешку с многочисленными черно-красными стягами Третьего рейха украсили балконы второго этажа. Десятки цветных полотнищ и ни одного красно-бело-синего — ни республики Чехословакии, ни Российской империи.

Мягкая мюнхенская осень подметала мощные улицы лёгким ветерком, сдувала к обочинам жёлтые листья клёнов и лип. День выдался тихий и ясный, какие частенько выпадают здесь в начале осени. В такое время приятно пройтись по нешироким улицам и бульварам, посидеть в бесчисленных «bierstube» с кружечкой баварского тёмного.

Но не красоты здешней осени и не знаменитое баварское пиво привлекали суровых, сосредоточенных мужчин, что подъезжали к главному входу Коричневого дома на огромных чёрных, блестящих лаком автомобилях. Дорогие осенние пальто и шинели с генеральскими погонами, мягкие фетровые шляпы и фуражки, лакированные туфли и начищенные до нестерпимого блеска высокие офицерские сапоги.

Покидая «мерседесы», мужчины целеустремлённо втягивались в дверь штаб-квартиры немецкой национал-социалистической партии. Навытяжку, каменными изваяниями, застыли по обе стороны прохода офицеры СС в чёрной как ночь форме с витым серебряным погоном на правом плече.

Шёл первый час пополудни 29 сентября 1938 года.

— Резче работай правой, Крюков! Бей навстречу!..

Поручик Саблин, командир первого взвода третьей роты Отдельного гренадерского батальона Третьей гвардейской пехотной дивизии, азартно подался вперёд. Младший унтер Крюков ушёл от бокового удара и попытался ответить правым прямым, как советовал командир, но ефрейтор Сыроватко сам ударил вразрез. Быстро и сильно. Унтер полетел на землю, вздымая тучу пыли. Подпрапорщик Карамзин, исполнявший роль судьи, начал отсчёт.

— Эх,— с досадой махнул рукой Саблин.— Учишь вас, учишь...

Бокс в войсках набирал всё большую популярность. Родившись на Британских островах, он об-

рос правилами и традициями за океаном, а теперь победно возвращался в Старый Свет, захватывая прочные позиции в армейской среде. Саблин сам отлично боксировал и поощрял интерес к боксу у подчинённых. Тем более в гренадерском взводе, бойцы которого для того и предназначались, чтобы лезть в самое пекло, незаметно просачиваться в тылы противника и наносить молниеносные разящие удары. Здесь и физическая сила нужна немалая, и быстрота, и ловкость, да и умение одним ударом сбить противника с ног не помешает.

А ещё — Саблин был уверен — бокс не просто драка. Бокс учит думать, находить слабые места противника, менять тактику по ходу боя, воспитывает инициативу в хорошем смысле и способность к нестандартным действиям. Конечно, никто не отменял стрелковой подготовки, любой гренадер с тридцати шагов бил в пятак из нагана, с пятидесяти — очередью из «пятёрочки» — навскидку укладывал поясную мишень. И нож не был забыт, и сапёрная лопатка, но в ближнем бою кулак — последнее дело!

Чешские пограничники несли службу по расписанию: дозоры, секреты, обходы границы и всё прочее, из чего состоит жизнь заставы, но в воздухе висело напряжение. Как перед грозой, когда ничто ещё вроде не предвещает ненастья, и небо чистое, и солнце ясное, но вдруг появляется под сердцем истома: тяжкая и тревожная, как предчувствие беды, и начинаешь улавливать некие признаки, которых не замечал раньше. Оказывается, и птицы поют несколько иначе, и листва шумит чуть-чуть по-другому.

Ожидание грядущих событий разливалось в пространстве над заставой как чернильное пятно на водной глади, оно ощущалось и чехами, и русскими. И вот, чтоб разрядить напряжение, гренадеры применили старый испытанный способ: врыли столбы, натянули канаты и давай лупить друг друга от души. Саблину и самому порой хотелось попрыгать по рингу, но не до того сейчас. А бойцы, что ж их... пускай лупят. Злее будут, когда пора придёт.

Чехи только рты раскрывали и восхищённо охали.

Третий день гренадеры обживались на заставе неподалёку от городка Зноймо, в излучине Дьи. Неширокую эту речку немцы называют Тайей, и здесь она приближалась почти вплотную к бывшей австрийской границе. Между речкой и нейтральной полосой оставалось несколько километров пространства с дубравой на чешской стороне, а дальше — рейх.

У той самой дубравы пограничники и расположились. Здесь везде так: рощи да перелески из бука и дуба перемежаются с неубранными полями ржи. Чехам беспокойно, видно, даже руки до урожая не доходят. Застава появилась совсем недавно, ещё в начале марта сопредельной стороной считалась дружественная Австрия. Теперь там рейх. И вот... застава.

Три барака для личного состава, штаб (крошечная избушка), вышка, плац для проверок и развода пограничных дозоров. Ещё витал в воздухе запах свежеспиленного дерева и краски.

В трёх километрах вверх по течению располагался дот оборонительной линии «Моравский Святой Ян», ниже по течению, в полутора километрах — ещё один. Между ними зияла брешь — голое, незащищённое пространство. Здесь и поставили пограничников. В помощь пограничникам прибыл взвод Саблина.

Добирались перекладными, кружным путем. Польша твёрдо обещала сбивать любой российский самолёт, появившийся в её воздушном пространстве. После немислимых ухищрений дипломатов воздушный коридор дали румыны. Тяжёлый трёхмоторный «Громовержец» с крыльями, потрясающими воображение своей шириной и размахом, перенёс их из-под Одессы в Словакию. Далее по железной дороге, в литерном поезде. Оружие и боезапас в запечатанных ящиках, сухой паёк в руки. Поезд двигался по «зелёному коридору», если случалась заминка, Саблин шёл к начальнику станции и тряс перед его носом бумагами. Обычно вопрос тут же решался. Поручика снабдили такими документами, что вытягивались в струнку чиновники железной дороги, козыряли полицейские и военные патрули.

В пути гадали, что ждёт впереди, вспоминали Дальний Восток. Взвод получил боевое крещение в конце тридцать седьмого, устраивая регулярные вылазки в расположение японских войск, оккупировавших Китай. Русское правительство не собиралось терять столь выгодного партнёра, и Отдельный гренадерский батальон бросили на восточную границу. Там и шлифовали бойцы навыки резать и душить противника бесшумно и без потерь.

А в июле тридцать восьмого грянул Хасан. Третья рота принимала участие в конфликте с первых дней, но особенно прославился первый взвод. В августе, в боях при сопках Приозёрная и Безымянная. Выбитые с позиций японцы обрушили на занятые русскими позиции ураганный огонь тяжёлой артиллерии и ракетных миномётов «Такагава».

В такой кромешный ад Саблин ещё не попадал. Сопки окутались дымом и пылью, казалось, это курятся вновь открывшиеся вулканы, выбрасывая в воздух фонтаны рыжего пламени. Земля содрогалась, и дрожь эта передавалась на многие километры вокруг. Казалось, ещё миг — и мироздание рухнет.

Взвод получил приказ подавить огонь неприятеля во что бы то ни стало. Они подбирались к японским батареям среди бела дня, без прикрытия и, по сути, без подготовки. Подорвали склад снарядов, устроенный японцами на позиции, а орудийные и миномётные расчёты вырезали и расстреляли в упор из «пятёрочек» в считанные минуты. Не помогло ни боевое охранение, ни близкое расположение отступивших частей. Японцы просто не успели сообразить, что происходит.

Взвод выполнил задачу, но на отходе попал в окружение — самураи опомнились и спешно, но умело приняли меры. Если бы не подоспела группа поддержки из пехоты, неизвестно, чем дело кончилось. Но половина взвода осталась в приграничной земле. Многие получили Георгиев разных степеней, в том числе и посмертно.

Да, было дело. Только вернулись, переформировались, и вот...

Вызвал комбат, подполковник Осмолов. Рядом сидел ротный, капитан Сеницкий. Комбат усадил напротив, посмотрел в глаза:

— Господин поручик, задание вам предстоит архиважное. Знаю, вы только с китайской границы. Знаю, вам положен отдых. Но ситуация требует направить взвод в Чехию. Там могут понадобиться ваши обученные и обстрелянные ребята. Прибудете на место, дадите радиogramму и впредь — дважды в сутки будете освещать обстановку кодированными сообщениями. Для экстренных случаев мы через чехов организуем телефонную связь. Но злоупотреблять ею нельзя, повторяю — это на самый крайний случай. Ну а дальше — по обстановке. Возможно, придётся повоевать. Всё ясно?

— Так точно, выше высокоблагородие,— привстал Саблин.

— Сидите, поручик,— остановил жестом подполковник.— Детали обсудите с непосредственным командиром.— Он посмотрел на Сеницкого.

— Слушаюсь, Иннокентий Викторович,— кивнул ротный и подался к Саблину.— Детали обсудим, но вы будьте там внимательны, Иван Ильич. Есть данные, немецкие части стоят у границы...

Шестью днями раньше, глухой ночью Колчак проснулся как от толчка. Комната отдыха при кабинете в Кремле, где премьер ночевал вот уже третьи сутки подряд, вдруг показалась особенно тесной. Настолько тесной, что не хватало воздуха для дыхания.

Негромко тикали ходики на тумбочке.

Адмирал потянулся за стаканом с холодным чаем, сделал глоток. Горький напиток не освежил пересохший рот, лишь связал язык и нёбо.

— Тьфу ты чёрт! — тихо выругался премьер и вытащил из коробки папиросу.

Состояние внутреннего опустошения, почти отчаяния было знакомо ещё по девятнадцатому году. Вспомнился Омск, середина октября. На фронте затишье после сентябрьских побед, но именно тогда Александр Васильевич понял: все усилия идут прахом. Опереться не на кого, во главе войск амбициозные недалёковидные дураки, поставившие единоличную славу спасителей Отечества превыше общего дела, а сами войска раздроблены, обескровлены — ни резервов, ни патронов.

А главное, утрачен боевой дух. Тот единый порыв, что вёл солдат и офицеров в начале наступления, благодаря которому были достигнуты столь значительные успехи, всё рассеялось как пар, выпущенный из паровозного котла. Упал градус борьбы, ушла жажда победы, остались лишь шкурные интересы и одно стремление на всех — драпать подальше от фронта, прихватив по пути как можно больше добра. Разбой, грабёж, повальное пьянство и кокаинизм.

Тогда тоже стояла глухая ночь. Он лежал без сна на застланной койке. Так же остывал чай в стакане, а душа трепыхалась заполошно, словно воробей в кулаке, и что-то стонало внутри, что-то очень важное, без чего сама жизнь невозможна и закончится непременно, сию же минуту.

Наутро голова была пустой, а тело ватным, непослушным. Но дух жил, и рука сама, нашарив перо и лист бумаги, начертала:

Первое: поднять новое знамя борьбы с большевизмом, и знаменем этим будет низверженный монарх, и он сплотит рассыпающееся и гибнущее Белое движение.

Второе: издать собственные декреты о земле и вольностях, ущемить интересы помещиков, но привлечь свежие народные силы, оттянув их одновременно от большевиков.

Третье: на новых условиях договориться с Антантой.

Золотой запас таял, французы с англичанами заламывали такие цены на оружие и боеприпасы, что оставалось только диву даваться. Но и этого мало, платить придётся по самому высшему счёту: территориями, концессиями на добычу уральских руд, бакинской нефти и сибирского золота. А иначе ту Россию, которую он знал, любил и называл Родиной, не спасти...

Получил он что хотел? Вопрос этот мучил Колчака все двадцать лет, что правил он остатками той великой державы, каковой была Россия когда-то.

Тогда, в девятнадцатом, всё получилось. Более года прошло со дня казни Николая Александровича и его семьи, но томился в Перми великий князь Михаил Александрович. Группа монархистов мастерски провела подмену. Отработали ювелирно — пермские чекисты, если живы, и сейчас уверены, что расстреливали брата Николая II.

За достоверность заплатил жизнью секретарь и друг Михаила — Джонсон. Но жертва не была напрасной: великого князя вывели из-под удара, спрятали в Швейцарских Альпах, вылечили его застарелую язву желудка. В марте семнадцатого великий князь отрёкся от скипетра, но сейчас, после спасения, сделать этого не смог. Новоиспечённый государь император Михаил II вынужден был принять власть.

Всё прочее тоже сладилось, большевистский бунт утопили в крови английскими и французскими танками, пушками и пулемётами. Так добился он того, к чему стремился?

Помощь Маннергейма Юденичу обошлась суверенитетом Финляндии с присоединением к ней Карелии вплоть до Онежского озера и Ладоги. Мало того — получившие призрачную свободу Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии, образовавшие Союз Прибалтийских Государств, оказались под финским протекторатом. Независимая Польша вернула себе Виленскую губернию, присоединила большую часть Белоруссии и Украины, Восточную Пруссию с Гданьским коридором. И теперь Варшава послушно выполняла директивы из Парижа. Бессарабия стала румынской. Дальний Восток беззастенчиво грабят улыбчивые, благожелательные японцы.

А на просторах родной отчизны... Государь император чудесно устроился в Царском Селе, окружил себя приближёнными — балы, увеселения, неожиданно проснувшаяся страсть к дорогим автомобилям, унаследованная, не иначе, от старшего брата.

Каждое лето ездит на воды под предлогом язвы, хорошо залеченной ещё швейцарцами, и совершенно не желает заниматься политикой. Лишь дело доходит до серьёзных вопросов — дражайший Александр Васильевич, вы наш кормчий! Доверяю вам безоговорочно!

Государственный совет — скопище вельможных старцев, политических импотентов. Брать на себя ответственность трусят отчаянно. Дума же тонет в прениях и дискуссиях — болтуны и краснобаи. Только в Совмине и остались единомышленники. С ними, с Деникиным и Куропаткиным, нести адмиралу бремя управления великой страной, пусть ампутированной, обкусанной по краям злейшими друзьями, но ещё живой и могучей.

Двадцать лет послевоенная Европа старается не замечать гиганта, блокирует инициативы, не допускает к международной политике. Что ж, в истории имеются примеры. Пётр I в своё время уже заставил Запад изумиться, теперь пришло время адмирала Колчака. Потому и трепещет душа, словно воробушек в кулаке. Оттого и назначено совещание на завтрашнее утро. Точнее, уже на сегодняшнее.

Колчак вызвал на совещание Деникина личным звонком, загодя. И Антону Ивановичу, в общем-то, было ясно из-за чего. Гитлер торит дорожку на восток. Запад еле успел проглотить аншлюс Австрии, и вот Судеты. Пронацистская партия Генлейна, истерия вокруг тяжёлой судьбы тамошних немцев, провокации, смута. И Судетский укрепрайон,

бронированная заслонка на пути в Восточную Европу.

Сейчас военный министр исподтишка поглядывал на премьера. Железный адмирал выглядел как обычно: наглухо застёгнутый морской мундир, острое, как лезвие ножа, лицо почти без морщин (и как ему удаётся?) и такой же холодный, острый взгляд.

Антон Иванович часто ловил себя на мысли, что Колчак единственная фигура в современном мире, способная противостоять Гитлеру. Если отбросить политические реверансы, адмирал тоже диктатор. Да, после разгрома красных он добровольно отрекся от звания Верховного в пользу восстановления монархии, «коя едино способна поддерживать мир и государственность в российских пределах». Но что толку в троне, если нет власти? Реальной власти, которую имеет Колчак. Силе можно противопоставить только силу.

Просторный кабинет премьера отличался скромностью обстановки. Широкий стол с писчим прибором и аккуратными стопочками бумаг, книжные шкафы под потолок, кресла для посетителей. Единственное украшение — шёлковые шпалеры в простенках, виды моря и парусников, выполненные под заказ в Обюссоне. Ностальжи, мон ами.

Деникин выступать не спешил: сидел, помалкивал, поглядывал из-под кустистых бровей то на хозяина кабинета, то на министра иностранных дел.

— Начните вы, Алексей Платонович,— коротко кивнул Колчак Куропаткину.

— Ситуация накаляется, Александр Васильевич,— отчеканил министр. Гладко выбритый, с иде-

альным пробором, в отличном цивильном костюме, он предпочитал точные формулировки и всегда имел собственное мнение по любому вопросу.— Английский премьер продолжает играть роль миротворца, надеется насытить людоеда куриным крылышком. Наивно. Этим он лишь разогревает аппетиты Гитлера. Конечно, если Чемберлен сможет уговорить немцев остановиться на Судетах, авторитет Англии в Европе возрастет неимоверно. Но вряд ли наши западные партнёры этим удовлетворятся. Россия сегодня кое-кому как кость в горле: уровень развития страны превысил довоенный, оснащение армии не уступает ни немцам, ни англичанам. Это не слишком радует наших друзей с туманного Альбиона. Поход тевтонов на восток устроил бы многих.

Как всегда, чётко, без экивоков, молодец Куропаткин. Политик нового поколения, за ним не стоят ни слава победителя большевизма, ни титулы, ни высокое родство. Карьеру делал сам, собственным умом и проницательностью, дослужившись от мелкого чиновника МИДа до портфеля министра. Нет, право слово, молодец.

— Франция? — приподнял бровь Колчак.

— Деладье во всём ориентирован на Чемберлена. У нас есть информация, что Прага уже напоминала Парижу об обязательствах. Ответ было совместное англо-французское предложение пойти на германские требования. Президент Бенеш отказал, в ответ британский посол в Праге, сэр Камил Крофт, заявил, что непримиримая позиция чехов приведёт к негативной реакции Британии. Посол де Лакруа вторил ему от имени Франции. Бенеш попросил де